

УДК 316.77;316.37

Горбунов А.С.*Московский государственный областной университет***ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА ЛИЧНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. В статье исследуется воздействие средств массовой коммуникации на суверенное пространство личности. Выявляются особенности этого воздействия на современном этапе. Выясняется, каким образом эти особенности участвуют в воздействии СМК на общество и личность. Суверенитет личности рассматривается в качестве фундаментальной ценности, лежащей в основе позитивного развития социальных процессов. Предлагается отстраивать систему свободного личностного участия в масс-коммуникационном процессе, прививать человеку в процессе образования и воспитания «вкус» подлинной свободы, умения сохранять независимость суждений и оценок при восприятии предоставляемых информационных массивов.

Ключевые слова: масс-медиа, общество, личность, воздействие, свобода, суверенитет.

A. Gorbunov*Moscow State Regional University***THE ISSUE OF INDIVIDUAL SOVEREIGNTY
IN MASS COMMUNICATION SOCIETY**

Abstract. The article examines the impact of mass communication on individual sovereign space and reveals ongoing peculiarities of this impact. The author discloses the role of these peculiarities in the attacks of mass communication media on society and individuals. Individual sovereignty is considered as a fundamental value underlying the positive development of social processes. It is proposed to build a system of free personal participation in mass communication process, to inculcate the taste of freedom and raise the ability to preserve independence of judgment and assessments while perceiving the bulks of information produced by mass media.

Key words: mass media, society, identity, impact, freedom, sovereignty.

Прежде чем говорить о суверенитете личности, следует отметить, что его понимание не может исчерпываться воззрениями современных теоретиков либеральной мысли, склонных к абсолютизации личностного бытия и если не к полному отказу от признания роли общественного, то к отгораживанию от него. По словам одного из них, Г. Коэна, концепция права собственности на самого себя состоит в том, что «каждый человек пользуется полным и исключительным правом контроля и использования себя и своих возможностей и, следовательно, не обязан предоставлять никаких услуг или продуктов кому-либо другому, если он не договаривался их предоставлять» [3, p. 144].

Однако суверенность личности, ставшая одним из самых существенных плодов христианской цивилизации, неразрывно связанная в её осмыслении с понятием свободы личности, является одним из основных условий позитивного антропогенеза и социального развития.

При этом декларативная суверенизация личности, называние прав и свобод личности фундаментальной ценностью стали сегодня смысловой компонентой идеологии масс-коммуникативных, в первую очередь западных, обществ. Противоречие между подобным прочтением личностного бытия, берущего начало в классическом «локковском» либерализме, и реалиями социума наших дней не может не выражаться во всё большей фальсификации модуса существования каждого отдельного индивида. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» писал, что у каждого человека есть право собственности на свою личность. Философ также говорил, что человек имеет право решать, кем ему стать и чем заниматься, а также «право пожинать плоды своих усилий».

В нынешней действительности личные права и свободы permanently испытывают деструкцию, а их субъект использует всю совокупную мощь информационных, масс-коммуникационных технологий. Атака на личностный суверенитет производится сразу с нескольких направлений.

Под предлогом борьбы с терроризмом и разного рода угроз со стороны криминальных группировок принимаются всё новые и новые законы, подобные «Патриотическому акту», введённому в США после атаки на башни-близнецы 11 сентября 2001 г.

Эти нормотворчество призвано разрушить такие понятия, как *тайна переписки, тайна частной жизни, свобода и анонимность доступа к общественно-важной информации*.

Обнародование конкретных фактических материалов об этой тотальной слежке, осуществлённое Э. Сноуденом и Д. Ассанджем, подтвердило многое из того, что ранее бытовало в качестве догадок, а то и высмеиваемых подозрений. Теперь общепризнанным фактом стало грубейшее нарушение прав человека в форме доступа спецслужб США и других западных стран к личным данным практически любого жителя Земли, участвующего в телекоммуникационном обмене.

Заметим, особенностью общества нового типа является невозможность неучастия в масс-коммуникационном процессе даже при условии самой минимальной социализации человека. В данном контексте, когда взлом личных данных становится повседневной обыденностью, суверенитету личности наносится весьма болезненный и непоправимый ущерб, так как человек перестаёт быть конечным владельцем и хранителем сведений частного, а порой и интимного характера о самом себе.

Всё заметнее сужается и круг тех ценностных установочных предпочтений, что личность может позволить себе иметь, высказывать и даже хранить на электронных носителях без риска подвергнуться огульной обструкции. Взяв на вооружение догматическую интерпретацию понятия толерантности, группы влияния общества массовой коммуникации западного образца и его адепты в глобальном измерении производят жёсткую селекцию человечества на носителей

«толерантных» в их трактовке (угодных) или «нетолерантных» (неугодных) взглядов.

Возникает новая разновидность верноподданничества, когда для успешной социализации необходим безусловный, а порой и вычурный, *лоялизм* к любым нововведениям, предлагаемым «творцами мнений», продвигаемыми ведущими СМК и их экспертами. Классическим случаем реализации давления на личность с этого направления стала фабрикация так называемых «гомофобов». К ним чаще всего относят обычных и весьма толерантных людей, всего лишь выступающих за нормальные половые отношения (между мужчиной и женщиной) и традиционные браки (правда, и само понятие нормы как таковой всё чаще становится предметом дискуссии, а то и обструкции).

Ситуация в названном случае, как и во многих других, осложняется тем, что, отстаивая свои воззрения, человек нередко отстаивает и религиозные, а значит, самые глубокие, дорогие для него ценности.

И именно на пути этого отстаивания в форме простого несогласия с тем, что с точки зрения исходной традиционной аксиологии является недопустимым и даже преступным, – на этом пути даже самого тихого отказа от радикального принятия навязываемой «нормы» – человек становится диссидентом и изгоем. Таким образом, личность всё более лишается права на выбор вероисповедания, а тем более на открытое высказывание своих духовных предпочтений. Так же, как и «взлом» личностного пространства посредством «хакинга» со стороны спецслужб, это входит в прямое и яв-

ное противоречие с идеями суверенизации личностного бытия.

Названные воздействия, испытываемые личностью в масс-коммуникационном обществе, носят зримый характер, содержат отголосок тоталитарного насилия. Однако не следует думать, что деформация суверенного личностного пространства происходит исключительно в указанных формах.

Всё большей проблемой становится реализация ещё одной основополагающей активности, лежащей в основе понятия свободы личности. Речь идёт о свободе выбора, распространяющегося на самые различные сферы жизнедеятельности каждого человека. Следует отметить, что в данном случае поднимается дискуссионный вопрос, на который существует два спектра ответов.

Первый обусловлен «радужным» восприятием возможностей, представляемых СМК, в первую очередь сетевой коммуникацией. Адепты «сетевой свободы» утверждают, будто интернет как раз и является тем пространством, где человек реализует собственную свободу в познании, в коммуникации с себе подобными, в высказывании мыслей и идей, выборе, объекта для изучения, чтения, осмысления, в выборе товара или развлечения.

В данном случае всегда следует иметь в виду ограничение, связанное с фактическим контролем за содержанием интернет-контента, и в первую очередь за его пользователями, со стороны могущественных структур, владеющих глобальными СМК и контролирующими интернет-трафик, незримо присутствующих «по ту сторону монитора». Но даже если вынести за

скобки это решающее обстоятельство, стоит обратить внимание и на иные аспекты.

Помимо базовых возможностей на уровне формирования контента, воздействие на потребителя информации в сетях сопровождается тонкими настройками и системой множественных факторов, влияющих на участника коммуникативного процесса. Сам он, к слову, может не замечать и, как правило, не замечает подобного влияния.

Однако пристальное изучение контента, сопоставление установок, предлагаемых большинством «раскрученных» сетевых ресурсов, а также получивших известность авторов блогосферы заставляет приходиться к выводу, что многие пороки СМК, которые были присущи «классическим СМИ» (печатной прессе, радио, телевидению, массовой книге), не были преодолены в сетевом пространстве.

Новыми средствами и на новом этапе утверждается общая информационная картина, в которой доминантами становятся положения, транслируемые глобально-монопольными СМК. Более того, монополистами становятся поисковые системы, упрямо при этом отрицающие саму возможность отнесения их к медиа-ресурсам. Так, недавно успешно в юридическом отношении оспорил свою принадлежность к поисковым СМИ самый мощный российский поисковик «Яндекс».

Известны, к примеру, попытки органов власти Евросоюза ограничить монополизм поисковой системы *Google*, распространившей свой охват на 80 процентов аудитории пользователей интернетом в странах ЕС. Причём, при верной в целом постановке вопроса, не может не удивлять, что

еврочиновников интересуют в рассматриваемом контексте исключительно экономические проблемы неких средних и мелких коммерческих фирм, информацию о которых *Google* выводит за рамки своего сетевого поиска. Несомненно, здесь присутствует нарушение экономических свобод, принципов свободной конкуренции.

Однако не следует ли говорить о том, что столь же «эффективно» монополист в интернет-пространстве может воздействовать и на свободу ценностного мировоззренческого выбора личности. И это лишь один из аспектов проблемы.

Монополист, имеющий доступ в интернет на уровне организации сетевого поиска, действуя в связке с набором иных СМК, в которых он имеет влияние, получает возможность мультипликативного эффекта воздействия на сознание личности, существующей в иллюзии свободы выбора информации. Нередко благодаря её ветвлению реципиент на самом деле получает лишь набор разнообразных форм, позволяющих закамуфлировать однородность сердцевины содержания.

С самого детства он может усваивать одну и ту же идеологическую установку в различных формах. Приведём всего лишь один простейший пример того, как может быть создана устойчивая установка. Юноша играет в сетевую компьютерную игру, где сражается с «русскими агрессорами». Он смотрит по телевизору мультфильм про «русских варваров». Позже знакомится в кинотеатре с блокбастером на ту же тему. Читает статью, разоблачающую «деспотическую Россию» во влиятельной газете. Встречает упоминание о новых «русских угрозах»

на популярном сайте. Подхватывает «спонтанные» (на самом деле изготовленные на заказ) комментарии идейно подкованных русофобов в социальных сетях. Сопереживает персонажу сериала или массового «чтива», разделяющего схожие идеи.

Мы привели лишь примерный набросок того, как сегодняшние СМК могут формировать у человека идеологию, входящую в его подсознание, «программировать» его. Можно ли в данном случае говорить о полноценном суверенитете личности? Едва ли. Напротив, рост возможностей информационных воздействий приводит к тому, что предустановленность личностных ориентаций, исключая, по сути, саму возможность её суверенного развития, ставится всё более и более вероятной.

Недалёк тот день, когда высшим проявлением гениальности в обществе массовой коммуникации западного типа станет не способность изобретать, творить, создавать произведения искусства, но личностный потенциал, позволяющий сохранять свободу мышления и обусловленную ею личностную суверенность.

Следует признать, что идущая десуверенизация личности, фактическое ограничение её прав и свобод, проводимое в информационной сфере, позволяют ведущим кругам развитых западных стран решать некоторые тактические задачи развития. Общество становится более послушным, управляемым, с лёгкостью воспринимает новые, ещё вчера, казалось бы, неприемлемые концепты.

Вопрос заключается в том, какое с точки зрения формирования личности, масс-коммуникативное обще-

ство в конечном счёте будет построено в России. Здесь существует три решения.

Можно идти по пути прямого воспроизведения западной модели, либо бездумно, либо с вредным умыслом транслировать в российское общество и навязывать российскому гражданину все те установки, что несут глобальные СМК. Понятно, однако, что вкупе с разрушением личностного суверенитета это приведёт и к стремительной эрозии суверенитета государственного. Ведь граждане страны станут носителями задаваемых и контролируемых извне форм сознания.

Существует искушение перенять эффективную с точки зрения манипулирования общественными процессами западную модель, но насытить её собственными смыслами, идеями, концептами, то есть также пытаться создавать «предустановленную» личность, но «свою» – гражданственную, патриотичную, конструктивно мыслящую.

Третий путь представляется наиболее сложным, в известном смысле затратным, однако и наиболее эффективным в том, что касается конечного результата. Как бы ни было велико искушение произвести из десуверенизированной личности «правильно запрограммированного» субъекта социальных и государственных соотношений, стоит признать, что его ценность может оказаться невелика. По нескольким причинам.

Существует риск отставания в масс-коммуникационных технологиях и приёмах. На текущем этапе это отставание является, к сожалению, признанной, объективной и неоспоримой данностью. Следовательно, почти

неизбежна ситуация утраты контроля за некоторыми процессами масс-коммуникативного воздействия на личность. А значит, существует возможность её лёгкого «перепрограммирования».

Однако, разумеется, наиболее существенно другое. Свободная личность, избравшая те или иные ценности и ориентиры в результате свободного же восприятия, гораздо более укоренена в них, развита и устойчива к разного рода негативным внешним воздействиям.

Здесь остро стоит вопрос о соблюдении известной меры, когда воспитание фундаментальных духовно-нравственных ценностей уже закладывает в основание личности её базовое ядро, но ещё не приводит к повреждению способности выстраивать собственную суверенность, собственную позитивно понимаемую и идущую не в ущерб, а на пользу общему индивидуальности.

Представляется, что российским обществом востребован именно такой тип личности, и задача масс-коммуникационного процесса – способствовать его получению.

Слова о свободе из работы Ивана Ильина полувековой давности «России необходима свобода», использованные президентом РФ в ежегодном послании к Федеральному Собранию 2014 г., могут свидетельствовать о личностной свободе как об одном из определяющих целеполаганий, а одновременно и базовых условий развития современного российского социума. Ильин подчёркивал: «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего свободы для самой России как государства, её междуна-

родной независимости, её державной самостоятельности; далее – свободы для России как национального, хотя и многочленного единства, т. е. творческой нестеснённости, любовного взращивания русской и всех других российски-нерусских национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас, как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности» [1, с. 310–312].

Следует констатировать, что свобода и суверенитет личности являются тем ценностным началом, которое не только входит в противоречие с разрушительными аспектами масс-коммуникационных процессов, но и способно активно противодействовать деструктивным влияниям. Особенно актуально это теперь, когда «осмысление последствий цифровой глобализации открыло осознание разницы между цифровым и физическим миром» [2, с. 69].

Суверенизация личностного бытия сама по себе несёт в себе большой потенциал, способствует созидательному человеческому началу. Впечатляющие достижения западного общества эпохи модерна – пожалуй, лучшие свидетели данного тезиса. Ни в коем случае не следовало бы смешивать достижение этого несомненно высокого уровня социального и антропологического с выхолащиванием понятия личностного суверенитета на практике, а нередко – и его современными либертарианскими теоретиками. Особенностью ситуации является сочетание абсурдизации (умышленной и / или неосознанной) суверенитета личности через прида-

ние ему экстремистских форм с фактической атакой на него всей совокупной мощью СМК и информационных технологий общества массовой коммуникации.

В подобных условиях необходимо не следование «передовому опыту», но создание собственной привлекательной общественной модели, где в ряду ценностей одну из ключевых позиций занял бы суверенитет личности.

Аксиоматика российского общественного бытия нуждается в названной ценности ещё и потому, что наряду с возвращением к традиционным ценностям восполнение и неформальная институализация личностной свободы стала бы ответом не только на сегодняшнее, но и на историческое требование социума.

Для отечественного дискурса идея личностного суверенитета является выстраданной насущной проблемой. Приходя в неизбежное столкновение с тенденциями масс-коммуникативного общества эта идея обретает новое измерение и дополнительную актуализацию. Вопрос сегодня стоит следующим образом: достаточно ли у нас сил на новом этапе заявить идею свободы личности таким образом, чтобы она преобразующим образом повлияла на дальнейшее становление общества массовой коммуникации? Или же мы смирились с тем, что его негативные тенденции ослабят, а, в конце концов, и разрушат, свободу личности и её суверенитет?

Задачей подлинного образования и воспитания в этой связи становится, помимо прочего, привитие «вкуса» подлинной свободы, умения сохранять независимость суждений и оценок при восприятии предоставляемых

информационных массивов. Одной из компетенций всякого участника социальных отношений сегодня должна стать способность к критическому творческому и свободному участию в масс-коммуникационном процессе.

Сам же этот процесс должен быть отрегулирован со стороны общественных и государственных структур таким образом, чтобы любые попытки ограничения личностного суверенитета были по возможности локализованы и минимизированы.

При соблюдении указанных условий появляется шанс построения общества флагманского типа, на которое стали бы во всё возрастающей степени ориентироваться просвещённые круги наиболее развитых, а также и развивающихся стран. Переосмысленная и прошедшая испытание массовой коммуникацией идея личностной свободы и личностного суверенитета с новой силой привлекла бы к себе последователей, став подтверждением старого тезиса о том, что любая проблема содержит возможности для нового развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 464 с.
2. Манжуева О.М. К вопросу об истории возникновения информационной этики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 3. 2014. С. 65–71.
3. Мейр Дэн-Коэн. Опасные мысли: сочинения о законе, себе и морали. Dan-Cohen, Meir. Harmful Thoughts: Essays on Law, Self, and Morality. Princeton University Press, 2002. 296 p.